

шения при локальных поражениях мозга. – М., 2000

Риццолатти Д., Синигалья К. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания. – М., 2012

Сизова О.Б. Альтернативная коммуникация или речь: обоснование выбора // Альтернативная и дополнительная коммуникация как основа для развития, реабилитации и обучения людей с нарушениями в развитии. Сб. статей междунар. науч.-практической конференции 18-20 сентября 2014 г. / Под науч. ред. В.Л. Рыскиной. – С. 60-67

Томазелло М. Истоки человеческого общения. – М., 2011

©Сизова О.Б., 2015

С.Н. Цейтлин

(РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

ГРАММАТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В ДЕТСКОЙ РЕЧИ¹⁶

Аннотация: В статье рассматриваются становление индивидуальной языковой системы ребенка на примере освоения ребенком парадигматики прилагательного. Автор, анализируя детские окказиональные формы прилагательных, демонстрирует разграничение между тремя разными, хотя и имеющими точки соприкосновения, явлениями: производством формы, воспроизводством формы и ее модификацией.

Ключевые слова: прилагательное, парадигматика, компаратив, согласование, сверхгенерализация.

1. **Вступительные замечания.** Известно, что прилагательные появляются в речи ребенка значительно позднее, чем существительные и глаголы. Первые прилагательные, которые начинает употреблять ребенок, – качественные размерные (*большой, маленький*), оценочные (*хороший, плохой*) и некоторые другие.

¹⁶ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (№ 14-18-03668) «Механизмы усвоения русского языка и становление коммуникативной компетенции на ранних этапах развития ребенка»

Относительные прилагательные появляются гораздо позднее. Очевидно, это связано со сложностью когнитивных операций, предполагающих соотнесение перцептивно доступного объекта с иными объектами и явлениями, не входящими в сферу воспринимаемого («яблочный сок» – сок из яблок, «лыжная мазь» – мазь для лыж). Из 52 прилагательных, входящих в Мак-Артуровский опросник, представляющих собой обычный адъективный лексикон ребенка в возрасте до 3 лет, всего 2 прилагательных являются относительными. Отчасти это связано и с тем, что относительные прилагательные достаточно редки в инпуте, получаемом ребенком второго-третьего года жизни.

Парадигматика прилагательного формируется с опорой на парадигматику существительного, поскольку существительные осваиваются вместе со своим «синтагматическим шлейфом», обеспечивающим координацию категорий рода, числа и падежа прилагательных (и шире – всех адъективов, включая местоимения-прилагательные) с соответствующими категориями существительного. При этом на самых ранних стадиях в речи детей наблюдается интересная закономерность, выявленная М. Д. Воейковой, подтверждающая наличие данной координации: созвучные сочетания типа *большую ногу* осваиваются раньше, чем контрастные, например, *большой ноге* [Воейкова 2000; Воейкова 2004]. Так, ребенок говорит *за этом домом* вместо «за этим домом», лишь позднее он осваивает сочетания типа «от маленькой машины», далекие от созвучности. Однако подобные ошибки со временем исчезают. В целом можно считать, что со словоизменением прилагательных, несмотря на обширность парадигмы (24 формы у относительных и около 30 форм у качественных) ребенок справляется достаточно быстро. Это объясняется простым (правильным относительно системы) построением парадигм: все формы образуются от единой основы, окончания стандартны, запреты и ограничения отсутствуют. Синтагматические ассоциации, существенные для начального этапа становления грамматики и объясняющие ошибки, приведенные выше, все более вытесняются парадигматическими, на основе которых формируются языковые правила. Ошибок в построении форм прилагательного в речи детей старше 2–2,5 лет практически не встречается. Исключены ошибки и в выборе формы числа, па-

дежа и рода прилагательных, относящиеся к освоению плана содержания соответствующих категорий. Поскольку категории рода, числа, падежа прилагательных выполняют исключительно структурные функции (ср. с иной точкой зрения [Русакова 2003]), они осваиваются очень рано благодаря формированию согласовательных схем, связывающих формы существительных и прилагательных (и шире — всех адъективов). При этом согласование по роду осваивается позднее, чем согласование по числу и падежу, поскольку можно предположить, что направление взаимодействия формы адъектива и субстантива здесь может иметь иной характер, чем при координации по линии числа и падежа. Поскольку формы рода неодушевленных существительных семантически опустошены, а мотивированность рода одушевленных существительных связью с биологическим полом не сразу осознается ребенком, получается, что не столько «родовая» характеристика существительного диктует форму рода адъектива, сколько форма адъектива, извлекаемая из инпута, помогает формированию схем согласования по роду и тем самым — освоению рода как прежде всего согласовательного формального класса. Механизм согласования складывается очень рано, ошибки типа «большой тетрадь» или «другая колесико» представляют собой не ошибки согласования как такового, а следствие не соответствующего норме выбора формы рода существительного.

То, что с позиций «взрослого» языка представляется нарушением согласования, на самом деле при внимательном анализе, как правило, оказывается следствием неверного определения рода: Так, Надя П.(3.00.29) говорит: *Дильни (=позвони) в этот черный кнопок!* (просит позвонить, нажать на кнопку). Изменение формы существительного и сопровождающих существительное глагола и местоимения, об этом свидетельствует.

Серьезную сложность представляет только одна речевая операция — образование формы компаратива, где существует большое количество запретов и ограничений разного рода. В речи детей запреты могут сниматься, что приводит к образованию окказиональных форм. Эти формы будут подробнее рассмотрены дальше.

2. Формы компаратива

Сравнительная степень наречий и безличных предикативов появляется раньше, чем сравнительная степень прилагательных. Это связано, по-видимому, с тем, что обстоятельства более востребованы в ранней детской речи, чем определения или именные предикаты. Рассмотрим процесс формирования компаратива на материале речи Жени Гвоздева.

По свидетельству А. Н. Гвоздева, первые наречия в сравнительной форме появились в речи Жени в возрасте около 2 лет 3 месяцев и употреблялись преимущественно при глаголе. Первым зарегистрированным компаративом было «скорей»: *Чини скорей* (2.02.29) при наличии в лексиконе ребенка и положительной формы *скоро*, появившейся всего несколькими днями раньше. Думается, что данная словоформа являлась компаративом лишь формально, поскольку в данном случае не было идеи сравнения как такового. Очевидно, формы *скоро* и *скорей* семантически между собой слабо соотнесены и не находятся в дериивационных отношениях.

В 2.05.02 зафиксировано *Не ходи туда к лошадке поближе, а то она укусит*. Фраза произнесена была наставительным тоном. Женя сказал это отцу, находящемуся в доме, глядя на лошадь, которая была во дворе. Данное наречие также, если судить по подробно описанной ситуации, не использовалось в сопоставительном смысле, уместнее была бы положительная форма «близко». В это время ребенок только начинает осознавать самую ситуацию сопоставления, причем случаи некорреферентного сопоставления появляются раньше, чем случаи корреферентного. Ребенку проще в когнитивном отношении сопоставить разные объекты и ситуации, чем увидеть и передать изменения в одном объекте или ситуации. Одновременно с наречиями в форме компаратива появляются и первые безличные предикативы. А. Н. Гвоздев отмечает, что в два с половиной года такие примеры становятся многочисленными. *Тут лучше* (2.04.21) было произнесено, когда отец звал Женю из кухни в комнату обедать. Ребенок упирался и повторял эту фразу. Когда его оставили в покое, он спокойно произнес то же слово в положительной форме: *Тут хорошо*. [Гвоздев 1961: 453–454]. Этот пример свидетельствует о том, что ребенок уже вполне овладел семантической

функцией сравнительной формы и ее соотношением с формой положительной. То обстоятельство, что формальное соотношение между ними является крайне нестандартным вследствие супплетивизма, не помешало освоению их семантической связи.

Что касается сравнительной степени прилагательного, то она появляется значительно позднее. Женя начинает активно использовать ее только после трех лет (3.03). До этого встретился всего один пример: *Буду побольше* (2.05.05) В 3.03.04 зафиксировано: *Лев не страшней, а волк страшней* – интересно, что ребенок использовал такую громоздкую конструкцию, уже владея формой компаратива как таковой, но еще не освоив синтаксическую конструкцию с родительным сопоставления («Волк страшнее льва»). Немного позднее эта конструкция появляется: *А гусь-то меньше попугая* (3.04.15), – произнес, когда мерил вырезанных им из бумаги гуся и попугая. Это случай некорреферентного употребления. Подобный случай: *Я на сундуке выше тебя* (3.07.11). Случаи некорреферентного сопоставления в речи детей преобладают, корреферентность можно видеть только в первом из приведенных случаев. Все отмеченные выше адъективные компаративы использовались в предикативной функции.

В то же время отмечены и случаи использования сравнительной степени прилагательного в роли определений, употребляемых, как и положено, в постпозиции по отношению к существительному. Женя заявил матери, которая сказала, что видела хороший сон, что он *видел сон еще лучше* (3.08.01). Интересно и расходится с нормой склонение сравнительной степени прилагательного с модеративной приставкой ПО-, о которой речь шла выше: *Я с своей с поменьшей лошади сорвал шлею* (5.04.27), отмечено также *на побольшем гвозде, на поменьший гвоздь* (5.04.27). Хотя конструкция с постпозитивным прилагательным уже как будто бы освоена ребенком (см. пример выше), но все же в гораздо большей степени привычной для ребенка является конструкция с согласованным прилагательным, находящимся в препозиции по отношению к существительному – ее он и стремится использовать, для чего необходима полная, а не краткая форма компаратива. Эта форма нетипична для русской грамматики. Очевидно, полную (склоняемую) форму компаратива можно видеть только в прилагательных «лучший» и «худший»,

а также «большой» и «меньший», используемых в определенных контекстах, исключаящих их суперлативное истолкование. Известно, что круг подобных форм на -ШИЙ, способных выражать компаративное значение, был значительно шире вплоть до середины XIX века (см. [Князев 2007: 200–201]). Получается, что и в данном случае, как и во многих других, дети реализуют потенции языковой системы, расширяя сферу действия правила.

Активное освоение модели образования сравнительной степени начинается позднее, главным образом после 4 лет, когда возникает потребность в компаративе не только наречий и безличных предикативов, но и прилагательных для использования их в роли определения и части именного сказуемого. Можно полагать, что компаративы прилагательных, наречий и безличных предикативов, являясь функциональными омонимами, осваиваются как элементы единой системы и воздействуют один на другой. Уже внедряющаяся в лексикон форма может легко расширять свои функции, превращаясь из обстоятельства в определение или из именной части предиката безличного предложения в именную часть сказуемого.

3. Сверхгенерализация компартива

В соответствии с внутренними системными закономерностями языка, компаратив возможен только у слов, обладающих качественной семантикой, к тому же таких, которые обозначают качество, способное к градуальному измерению, т. е. предполагающее возможность его увеличения или уменьшения в одном объекте или сопоставления по мере наличия этого качества в разных объектах¹⁷. Соответственно различается кореферентное и некорреферентное употребление компаратива, о котором речь уже шла выше.

В русском языке к словам, обладающим качественной семантикой, относятся качественные прилагательные, качественные наречия и многие из слов так называемой категории состояния (безличных предикативов). Рассуждая по поводу того, почему стол может быть «выше», «ниже», «удобнее», но не может быть

¹⁷ Два эти аспекта впервые были разграничены в работе С.Г. Ильенко [Ильенко 1957].

«столее» другого стола, А.М. Пешковский пишет о необходимости наличия признака, по которому можно было бы сравнивать предметы между собой. Приводя данные рассуждения, Ю.П. Князев, добавляет к этому, что для образования степеней сравнения нужна еще и «одномерность» различий, т. е. наличие параметра, по которому можно было бы сопоставлять предметы [Князев 2007: 180]. Только качественные прилагательные содержат в себе этот параметр (форму, размер, вкус и др.), по которому можно провести сопоставление. Поэтому в нормативном языке невозможен компаратив относительных прилагательных. Ср., однако, в речи детей: *Я бы тебе шоколаднее конфету дал, да у меня нет*, – речь идет о соевом батончике; слово «шоколадный» здесь приобретает «динамическое» значение – ‘содержащий больше/меньше шоколада’. Ср. также следующий разговор: *Это колечко золотее*. – Что это значит? – *Больше блестит*. «Золотой» здесь употреблено в значении ‘блестящий’. *Эта кофта шерстянее...* – Что это значит? – *Больше кусается*; *Фильм еще детское*, чем тот – в последнем случае преодолевается не только семантический, но и формально-структурный запрет: в соответствии с нормой компаратив от прилагательных с суффиксом -СК не может быть образован. В приведенных выше случаях можно видеть реализацию потенциала ядра системы, снятие ограничений, налагаемых на уровне периферии системы и связанных с особенностями грамматического поведения лексико-грамматического разряда относительных прилагательных в целом. Фактически во всех этих случаях процессу формообразования предшествует процесс семантической деформации слова – развития в нем качественной семантики¹⁸.

В нормативном языке не образуется компаратив от прилагательных, которые, хотя и являются качественными, однако обозначают признаки, не способные к градуальным модификациям. В речи детей, однако, может происходить окказиональный сдвиг значения, приводя к возникновению возможности образования компаратива: *Сейчас будешь еще голей! Майку с тебя стацу*;

¹⁸ Подтверждается справедливость слов В. В. Виноградова: «...во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качества» [Виноградов 1972: 170].

Он еще лысей нашего папы; Без этого дивана комната еще пустей будет.

В соответствии с существующей нормой не образуется компаратив от большей части цветowych прилагательных. Ср. однако, в детской речи: *Дайте мне карандаш пооранжевее.*

Выше уже шла речь о таком любопытном явлении, имеющем место в детской речи, как образование форм компаратива от существительных. Такой деформации могут подвергаться лишь те существительные, в которых потенциально наличествует значение качества, способного к изменению:

Ой, мама, ты даже дылдее папы; Будешь еще горбее. Встречаются формы *звездее, дымее, утрее, домее, волнее* (от «волна»), *решетей, войнэй, чушнее* и даже *портнее*: *У меня бабушка – портниха! – А моя еще портнее!*

Прямой параллели для подобных явлений в нормативном языке нет, если не считать некоторых вольностей разговорной речи. Вне сомнения, подобные отклонения от нормы обусловлены закономерностями языковой системы (ее глубинным уровнем)¹⁹. Возможность использования сравнительной и превосходной степени существительных отмечал и О. Есперсен: «Там, где мы встречаем употребление сравнительной и превосходной степени существительных, мы обнаруживаем, что и они выделяют лишь одно качество и, таким образом, передают то же понятие, как если бы они были образованы от настоящих прилагательных» [Есперсен 1958: 82, 88].

В других случаях преодолеваются ограничения структурно-словообразовательного характера. Известно, что в нормативном языке не образуются компаративы от прилагательных с суффиксами -ЕВ/ОВ, -СК, -ОНЬК, от сложных прилагательных с основами на -Г, -К, -Х, от прилагательных с суффиксом -Л. В речи детей, однако, встречаем: *Этот фильм еще дурацкее оказался;*

¹⁹ По свидетельству специалистов по болгарскому языку (Ю.С.Маслова, Б.Ю.Нормана), категория степеней сравнения в болгарском языке является «сквозной», не связанной рамками определенных частей речи. Подобного рода снятие «частеречных оков» отмечается и с русских диалектах, что было отмечено еще А.Н.Гвоздевым.

Машка всех боевее в нашей группе; Паук длинноногее комара?

Есть, кроме того, группа прилагательных, не имеющих форм сравнительной степени, причем запрет на их образование не мотивирован ни семантикой, ни морфемной структурой слова, а определяется исключительно традицией. В речи детей этот «списочный» запрет часто оказывается снятым: *Она еще гордее стала после этого случая; Наша канарейка ручнее Инночкиной; Этот мячик упруее, упруже..., а как правильно сказать?*

Затруднено в нормативном языке образование компаративов от адъективированных причастий. В речи детей такие компаративы встречаются: *Наше тианино настроеннее, чем ваше; Окошко вымытее; Я по гвоздю стукнул, он еще забитей стал.*

В нормативном языке отсутствует компаратив у ряда прилагательных с частицей НЕ- (ср. «некрасивый – некрасивее», «невкусный – ?»). Очевидно, это связано с тем, насколько в том или ином прилагательном частица НЕ- превратилась в словообразовательную приставку, что привело к сглаживанию ее «отрицательного» значения. Если «отрицательный» смысл явно ощущается, что снимает возможность градуальности признака, то сравнение исключается. Однако языковое сознание ребенка не может зафиксировать этих тонких различий, касающихся актуального статуса образования с НЕ-, а именно того, стало ли это образование отдельным словом. В речи детей такие формы оказываются возможными: *Твой суп еще невкуснее, чем бабушкин.*

Во многих случаях компаративная форма прилагательных с НЕ- во «взрослом» языке отсутствует, потому что функции сравнения по данному признаку выполняет синоним без НЕ-. Так, «ниже» может употребляться как компаратив по отношению не только к прилагательному «низкий», но и к прилагательному «невысокий» («Он всегда был невысоким, а к старости стал еще ниже»). Это обстоятельство можно рассматривать как проявление принципа языковой экономии. Ребенок же в ряде случаев реализует системно определяемые возможности, обнаруживая в этом случае, как и во многих других, ресурсы языковой системы.

В тех случаях, когда окказиональный компаратив возникает как преодоление «списочного» или формального запрета (структурного или фонологически обусловленного), в нормативном

языке обычно используется параллель – аналитический компаратив: *невкуснее* — более невкусный, *дурацкее* – более дурацкий и т.п. Если же образование окказионального компаратива – результат снятия семантического запрета, то в нормативном языке аналитический компаратив отсутствует, налицо заполнение абсолютной лакуны. Создание компаратива в таком случае непременно сопровождается сдвигом значения слова.

4. Окказиональные формы компаратива

Рассмотрим вопрос об образовании детьми синтетической формы сравнительной степени.

1. Один из существующих в языке способов образования сравнительной степени — прибавление к основе, используемой в положительной форме, суффикса -Е. При этом происходит чередование конечных согласных: Г/Ж, К/Ч, СТ/Щ, Т/Ч, Д/Ж: молодой – моложе и т. п. Этот способ в современном языке непродуктивен. С помощью суффикса -Е образуется компаратив от прилагательных с основами на заднеязычный, на -Д, -Т. Суффикс -Е всегда безударен, при образовании компаратива ударение обычно остается неподвижным («крепкий — крепче»). Несмотря на эмпирическую непродуктивность данного способа и его несистемный (непротипический) характер, речь ребенка в возрасте 3–5 лет изобилует подобными компаративами. Среди наиболее частотных – *больше, дальше, меньше, раньше, дольше, хуже, глубже, выше, чище* и некоторые другие. Используются даже супплетивные формы компаратива: *лучше* (ср. хороший, хорошо) и *хуже* (ср. плохой, плохо). Все эти формы, благодаря их частотности, осваиваются как целостные единицы и, по видимому, без ассоциативной связи с соотносительными формами положительной степени. Это оказывается возможным еще и потому, что многие из них появляются в лексиконе еще до того, как начинает формироваться данный фрагмент словоизменительной системы, т. е. механизм перехода от положительной степени прилагательного или наречий к сравнительной.

2. Суффикс -ЕЙ/-ЕЕ, как отмечает А. Н. Гвоздев, встречается гораздо реже в речи детей (что на первый взгляд кажется странным), причем почти исключительно в первом (коротком) варианте. Очевидно, это объясняется большей частотностью

гештальтно освоенных компаративов первой группы. Среди ранних компаративов на -ЕЙ-: *скорей, осторожней, страшной, сильней, тяжелей*. Однако при этом данный способ образования компаратива проявляет необыкновенную продуктивность в образовании окказиональных форм²⁰. У Жени Г. зарегистрированы *посластей, почистей, шибче, твердее, жестей, хорошей, узей, буйней, погуцей, жестчей, чистей, мерзлей, склизей*. При сравнении детских окказиональных компаративов с их нормативными эквивалентами наглядно выявляется более высокая степень системности детских вариантов, которая проявляется в стремлении свести к минимуму звуковые чередования согласных в основе (ср. *твердее* и *тверже*, *жестей* и *жестче*, *узей* и *уже*, *чистей* и *чище* и т. п.), устранить супплетивизм (ср. *хорошее* и *лучше*) и т. п. *Сталь твердее, чем железо* (ср. *тверже*). Особенно распространены случаи с сохранением мягких Г', К', Х': *Этот хлеб мягкей; Полотенце уже сухее стало*.

Во многих случаях детские окказиональные формы отличаются от нормативных эквивалентов только этим аффиксом: *Почище́е будут руки; Скоро буду то́ньшей Мариночки; Хочу конфетку мельче́е*. Это позволяет видеть в подобных случаях не деривацию, а модификацию языковых единиц.

Из речи Нади П. (3.03.17). Держит в руках резиновых попугая и ежика): *Посмотрим, кто большЕй. Давайте, приземляйтесь!* Бабушка: *Надо говорить: кто выше? Надя (обращаясь к игрушкам): Ты выше. А ты все равно низючка.*

Интересно, что в данном случае вступают в противоречие два фактора: использование компаратива на -Е помогает сохранить неподвижность ударения, не смещая его с основы («крепкий — крепче»), в том время как использование суффикса -ЕЕ/ЕЙ ведет обычно к изменению ударения, которое сдвигается на суффикс: «крепкий — *крепчей*». Очевидно, системно predeterminedной в данном случае является ударность суффикса, обеспечивающая его бóльшую перецептивную выпуклость. Подобные

²⁰ Любопытно, что в просторечии наблюдается тенденция прямо противоположного свойства — экспансия суффикса -ШЕ, теснящего более системный и продуктивный суффикс -ЕЕ (ср. *тяжелее* — *тяжелше* — *длиннее* — *длинше* [Земская, Китайгородская 1984: 77]).

тенденции ощущаются и в просторечии, в частности, в распространенной ошибке – неверном ударении в компаративе прилагательного «красивый». Мы имеем в виду форму «красивее», и это обстоятельство вряд ли можно считать случайным. Ср. также у Жванецкого – тщательнее. Осваиваемое ребенком словоизменительное правило образования компаратива предполагает сдвиг ударения с основы на словоизменительный аффикс.

Сложен вопрос о сохранении в составе компаратива морфа -К/-ОК²¹. Разграничение случаев, когда в нормативном языке морф выпадает и когда он сохраняется, чередуясь с Ч', определяется «списочным» порядком. Поэтому в речи детей распространены окказиональные формы, отличающиеся от нормативных либо сохранением морфа: *Этот садик близчей, чем Наташин*, – с чередованием К/Ч, либо его отсутствием: *У него рука жестей, чем у тебя*. Морф -ОК присутствует в прилагательных «широкий», «глубокий», «высокий» и, в соответствии с нормой языка, при образовании компаратива должен выпадать. В речи детей, однако, наблюдается устойчивая тенденция оставлять этот морф в составе основы. Это, очевидно, связано со стремлением сохранить ее слоговую структуру. При этом в одних случаях происходит чередование с -Ч, в других оно отсутствует: *Дом высокэй; Море глубочэй, чем Байкал?* Вступив на стадию продуктивности, дети начинают избегать нормативных, но аномальных, с точки зрения системы, форм «шире», «выше», «глубже», предпочитая им в некоторых случаях многосложные образования, содержащие суффиксы однокоренных существительных: *высотей, глубиней* (ср. высота, глубина).

Трудно для усвоения прилагательное «сладкий», образующее в нормативном языке компаратив в высшей степени аномальным способом: относясь к группе прилагательных, содержащих -К, оно, утрачивая -К, приобретает, в отличие от других прилагательных, уникальное чередование Д/Ш: «сладкий — слаще». Форма эта характеризуется абсолютной непредсказуемостью, отсюда — многочисленные детские ошибки: *сладкей, сладчей*,

²¹ Морфемный статус этого элемента существенной роли не играет: в одних случаях это суффикс (низкий, жалкий), в других — субморф (горький).

сладее и пр.²².

Часто перестраиваются и компаративы прилагательных «тонкий», «старый», «далекий», «ранний» — *старее, долгее, далекие, раннее*. Компаратив от «тонкий» может быть образован с сохранением субморфа: *тонкэй, тончэй* или без него: *тонэй*.

3. Детская речь, как известно, характеризуется тенденцией к **устранению супплетивизма** во всех его проявлениях. Поэтому широко распространены окказиональные формы прилагательных «хороший» и «плохой»: *Она немного хорошЕе будет; Этот карандаш еще плохЕе*).

В тех случаях, если в нормативном языке форма образована продуктивным способом и не содержит аномалий, мы, как правило, лишены возможности разграничить производство и воспроизводство формы. Если ребенок продолжил фразу: *Я сильный, а папа еще... сильнее*, то неизвестно, повторил ли он слышанную раньше форму или образовал ее самостоятельно. Производство (самостоятельное конструирование) формы можно регистрировать в том случае, если нормативная форма содержит какую-нибудь аномалию, тогда детская форма обычно оказывается правильнее нормативной. И, наконец, имеются случаи промежуточного характера. В ряде случаев форма, содержащая аномалию, отчасти воспроизводится (с сохранением аномалии), отчасти модифицируется (с устранением другой имеющейся в форме аномалии). Так, в речи детей встречаются не только формы *хорошее, плохее*, рассмотренные выше, но и *хужее, лучшее*. Ясно, что в их основе лежат нормативные формы «лучше» и «хуже», но они перестроены ребенком: непродуктивный суффикс -Е заменен продуктивным и ударным -ЕЕ. Модификацию нормативной формы можно видеть и в случаях *глубжее, тоньшэй*, которые не были созданы от «глубокий» и «тонкий» по регулярному правилу; они представляют собой модификацию аномальных форм «глубже» и «тоньше». В некоторых случаях бывает трудно или даже невозможно разграничить, какая речевая операция на самом деле имела место: производство или

²² См. результаты любопытного эксперимента, проведенного в детском саду С. Г. Тер-Минасовой и описанного ею в [Тер-Минасова 1981: 24–26].

модификация языковой единицы. Так, например, не исключено, что формы *легчей*, *мельчей*, *гущей* образованы детьми самостоятельно от положительной формы с соблюдением регулярных чередований К/Ч, СТ/Щ. С другой стороны, не исключено, что ребенок, отталкиваясь от нормативных форм «легче», «мельче», «гуще», лишь частично их модифицировал, заменив непродуктивный суффикс продуктивным и изменив ударение.

На примере детских окказиональных компаративов можно продемонстрировать разграничение между тремя разными, хотя и имеющими точки соприкосновения явлениями: производством формы, воспроизводством формы и ее модификацией.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – 2-е изд. – М., 1972.

Воейкова М.Д. Формальные особенности парадигмы прилагательного и ее освоение детьми // Речь ребенка. Ранние этапы. – СПб., 2000.

Воейкова М.Д. Качественные семантические комплексы и их выражение в современном русском литературном языке и в детской речи: Автореферат дисс. докт. филол. наук. – СПб., 2004.

Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. – М., 1961.

Есперсен О. Философия грамматики. – М., 1958.

Земская Е.А., Китайгородская М. В. Наблюдение над просторечной морфологией // Городское просторечие. Проблемы изучения. – М., 1984.

Ильенко С. Г. О значении простых форм сравнительной степени в русском языке // Ученые записки ЛГПИ. – Вып. 13. – 1957.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. – М., 2007.

Русакова М. В. Именная форма во флективном языке. Автореф. дисс. канд. филолог. наук. – СПб., 2003.

Тер-Минасова С.Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. – М., 1981.

©Цейтлин С.Н., 2015